

ЦЕЛОМУДРИЕ

В семействе Горами никогда не произносилось слово «секс». Если целомудрию пропахшего кардамоном дома угрожала начавшаяся по телевизору сцена поцелуя с языками, ее поспешно обрывали щелчком пульта. Когда у Ясмин начались первые месячные, мать сунула ей пачку прокладок *Kotex Maxi* и вполголоса велела не прикасаться к Корану. Это сбило Ясмин с толку, ведь она и так прикасалась к Корану разве что по настоянию матери. Хотя это было логичным, ведь из уроков биологии она знала, что менструация связана с размножением. А пунктирные схемы в учебнике удивительным образом вызывали в памяти те самые моменты, когда актеры проталкивали языки друг другу в рот, тем самым портя всем удовольствие от просмотра.

Сейчас, в свои двадцать шесть, Ясмин знала о сексе все. Человеческое тело давным-давно раскрыло ей свои тайны. С тех пор у нее было три половых партнера. С третьим из них, коллегой-врачом из больницы Святого Варнавы, она была обручена. Ее родителям, Шаокату и Анисе, Джо нравился, потому что, будучи врачом, он по умолчанию был подходящей партией, а также потому, что Джо нравился всем — такой уж у него был дар. Если даже Аниса и мечтала, чтобы ее дочь вышла за хорошего парня-мусульманина, то держала свое мнение при себе.

Ясмин в ожидании ужина по-турецки сидела на кровати, обложившись медицинскими учебниками. Нужно было готовиться к очередному экзамену, но она не могла сосредоточиться. В доказательство усердия, которое она оказалась не способна проявить, перед ней лежали четыре открытые книги. Вместо зубрежки она листала найденный в поезде журнал. На обложке: «Притворное расставание! Тайное воссоединение! Она в отчаянии!» Все заголовки относились к изображенным на фотографиях знаменитостям, из которых Ясмин узнала только одну. Впрочем, это почти не омрачало ей удовольствия. Но ей больше нравились истории про «обычных людей». Она только что дочитала статью про мать троих детей из Донкастера, недавно выяснившую, что ее семилетняя дочь не является ее биологическим потомком — новорожденную девочку перепутали в роддоме. Чего только не бывает! Хорошо, что ей, Ясмин, не о чем беспокоиться и есть за что благодарить судьбу.

После завтрашнего вечера она посмеется над своими тревогами. Все пройдет вовсе не так ужасно, как она себе навоеобразовала. Родители познакомятся с матерью Джо. Они вместе поужинают в ее доме в Примроуз-Хилл, обсудят свадебные приготовления и вежливо побеседуют. Велика важность!

Представив родителей в атмосфере неброской роскоши георгианского особняка, Ясмин почувствовала легкую тошноту. Она слотнула.

Никаких конфузов не будет. Надо быть конченой дурой, чтобы волноваться из-за такой ерунды.

Дверь открылась, и в спальню проскользнул Ариф.

— Вот это заросли! — Он покачал головой.

Ясмин сунула журнал под учебник.

— Брысь, — сказала она. — Я занимаюсь.

До нее постепенно доходил смысл его слов.

— Брысь, — повторила она.

Ариф закрыл дверь и прислонился к ней своим бесхребетным, нахальным телом.

— Ты ж знаешь, да? Ну, про фотку? Говорил же, в каждой статье про нее только и пишут, про эту фотку, но мне пришлось глубоко копнуть, чтоб ее найти. Апа¹, хочешь глянуть? — Он вытащил из кармана джинсов телефон.

Ясмин заранее решила, что, какие бы провокации ни устраивал ее младший брат, она не поведется. Но когда Ариф принялся размахивать телефоном, она невольно шарахнулась от него, отодвинувшись подальше на кровати. Меньше всего на свете ей хотелось лицезреть интимные места Гарриет Сэнгстер. Уже не впервые она спросила себя, видел ли Джо скандально известную фотографию своей матери, на которой миссис Сэнгстер лежит на спине с широко раздвинутыми ногами и, подняв голову, дерзко, вызывающе смотрит прямо в объектив.

— Это феминистская фотка, — недогнувшим голосом сказала она. — Ей лет двадцать уже. Тебе не понять. Лучше смотри свою порнуху. Смотри свою безволосую порнуху.

Снимок был вызовом «культуре пацанок» того времени. Ясмин читала про него, но никогда его не видела. В эпоху, провозглашавшую себя постфеминистской, постидеологической, постироничной, пост-всё-на-свете, Гарриет писала об опасностях «ментальности пофигизма», интеллектуальной бедности мироощущения конца истории, оксюморонной глупости веры в то, что верить хоть во что-либо — некруто. Главным образом она писала о явлении, которое называла «ложной эмансипацией женщин». Ее воплощением стал приобретающий популярность образ вечно пьяной оторвы с проэпилированной и выщипанной сексуальностью, которая, на взгляд Гарриет, потакала мужским фантазиям фотографиями в стиле софт-порно в так называемых мужских журналах. У Гарриет было собственное представление о женском раскрепощении, в том числе и сексуальной свободе. Ее представление противоречило духу времени. Оно привлекло к ней внимание, в некоторых случаях далеко не позитивное. Несмотря на это, а может,

---

¹ А п á (урду) — старшая сестра.

и благодаря этому она добилась определенного влияния, а та фотография — дело прошлое.

— А как насчет Ма и Бабы¹? — улыбнулся Ариф. — По-твоему, они захотят посмотреть? Хотя, может, они уже видели. Знаешь, Джо сказал, чтобы я завтра тоже пришел на ужин.

— Проваливай сейчас же! — Ясмин взяла с кровати самую тяжелую книгу.

Ариф пожал плечами:

— Все равно промажешь.

— Ах ты, мелкий засранец.

Скорее всего, он увидел эту фотку еще несколько месяцев назад. Арифу не составляло труда найти что бы то ни было в интернете. Он просто дожидался дня накануне знакомства семей для максимального эффекта.

— А Ма ты объяснила, что это, типа, феминистская фотка? Слышь, она купила книжку Гарриет, ту первую, про всех ее любовников — мужиков и женщин, которые все как один были ярыми *феминистами*. Только, по ходу дела, Ма в нее не врубилась. Потому что она читала ее, типа, стоя на кухне. Апа, ты бы видела ее лицо! Короче, стоит она прямо над мусорным ведром, а ногой жмет на педаль, так что крышка открыта. А потом видит меня и — хоп! — роняет книжку. В мусорку. Типа, устыдилась и все такое.

Ариф рассмеялся. Ясмин запустила в него учебником через всю комнату, предсказуемо промахнувшись, зато он наконец вышел, и она, вскочив, принялась мерить шагами спальню, пытаясь привести мысли в порядок.

---

¹ Баба́ (урду) — отец.

БАБА

К восьми вечера Ясмин проголодалась. Стоя за закрытой дверью в кухню и прислушиваясь к шкварчанию и лязгу, она прикидывала, прийти ли на помощь Ма или незаметно прошмыгнуть наверх.

— Мини, иди сюда, — позвал ее отец из гостиной. Он утверждал, будто Мини — ее прозвище, но никто, кроме него, никогда так ее не называл. — Посиди со мной.

Когда Ясмин села на диван, Баба не поднял взгляд от журнала.

— Сегодня твоя мать припозднилась с едой, потому что не меньше десяти часов готовила шукто, алу дум, машевые пакоры, качори и тому подобное. Назови любую закуску — она ее приготовила. Я пятьдесят раз сказал ей, что мы посещаем ужин, а не открываем киоск уличной еды, но разве она слушает? Вот с чем мне приходилось мириться все эти годы. Эта женщина упряма как ослица. — Он со вздохом перевернул страницу.

— Может, просто возьмем всего понемногу? — предложила Ясмин, но знала, что надежды нет. Вместо того чтобы принести элегантное дегустационное блюдо с экзотическими деликатесами, они притащат несколько хозяйственных сумок с пластиковыми контейнерами и жестяными банками,

набитыми горькими листьями с овощами, картофелем в йогурте, вегетарианскими жареными закусками и бобовыми лепешками. Но Гарриет, конечно, слишком хорошо воспитана, чтобы показать удивление.

— «Призрачные операции» — прежде я не слышал этот термин. — Баба повернулся к Ясмин, чтобы видеть ее реакцию. — Здесь целая статья о нескольких американских врачах, которых за это судят. Хочешь знать мое мнение?

Она ответила, что хочет. Под эркерным окном выросла новая груда добра. *Добро* разрасталось в доме, словно грибы в темном сыром лесу. Коробки и пакеты с ненужными вещами, которые в конце концов осядут в гараже или гостевой спальне или будут навязаны соседям, слишком слабым, чтобы отказаться от бэушной сушилки для салата, впариваемой им миссис Горами. Немногим обитателям отделанных белой камешковой штукатуркой домов на их улице удалось спастись от щедрот дома двадцать три по Бичвуд-Драйв.

Баба снял очки и погрузился в размышления. В минуты задумчивости он обычно снимал и складывал очки, словно правду можно было увидеть, глядя не вовне, а только внутрь себя. Он сидел с прямой спиной на деревянном стуле за занозистым сосновым обеденным столом, по совместительству служившим ему письменным. Всюду громоздились папки и ящики. У Бабы был кабинет, который они между собой всегда называли залом, с величайшей торжественностью обставленный много лет назад, когда он стал партнером в клинике общей практики, где проработал предыдущие десять лет. Зал был заставлен стеллажами с научными фолиантами и кольцевыми скоросшивателями с подшивками журналов. Посреди комнаты стоял огромный стол красного дерева с отделкой из кожи и меди и грозный черный мягкий вращающийся стул. Если Баба собирался о чем-то заявить или прочитать очередную нотацию Ариффу по поводу его безалаберности, незрелости и безразличия к собственному будущему, то осуществлял подобные вмешательства в зале. В остальное время он предпочитал читать за столом в гостиной, а если

желал посмотреть телевизор, то попросту разворачивал стул, вместо того чтобы с удобством устроиться на диване или в кресле с наклонной спинкой.

— Мини, это вопрос согласия, — изрек он после долгого размышления. — Пациент должен не только подписать форму, его согласие должно быть информированным. Если он не знает, кто будет проводить процедуру, то не является поистине проинформированным.

— Да, Баба. — Ясмин понимала, что отец ждет от нее большего. Разве он может быть учителем, если она не исполняет роль ученицы?

Но ее внимание было рассеяно. Желудок сводило от голода и тревоги. Уже несколько недель она гнала от себя — из последних сил! — страхи насчет знакомства своих родителей с Гарриет. Спасали лишь полная загруженность работой и, до некоторой степени, беззаботные заверения Джо. Гарриет не только станет вести себя примерно, она будет восхищена и очарована. «Она тебя, конечно, обожает, — сказал он, — но слегка разочарована, что в тебе мало индийского. Зато твои родители достаточно аутентичны, чтобы довести ее до оргазма».

Ясмин пыталась выкинуть из головы беспокойство, но оно отиралось поблизости, словно соседская кошка, воющая и мяукающая на подоконнике. Теперь, когда день икс почти настал, до нее дошло, что она подавляла не те тревоги. Что бы ни подумала Гарриет про Шаоката с Анисой, она скроет это благодаря английским манерам. Кроме того, ее одобрение не так уж важно. Представители английского среднего класса не вмешиваются в matrimониальные планы своих детей. Но Гарриет Сэнгстер грозила привнести — уже привнесла — в семейство Горами секс, и ее невозможно было нейтрализовать щелчком пульта. Что будет, если, как случилось в первый визит Ясмин в Примроуз-Хилл, она настоит на том, чтобы продемонстрировать свою коллекцию индийской эротики? Или примется рассуждать на одну из своих излюбленных тем — например, про культурное значение лобковой растительности?

Представив, как Ма бросает книгу Гарриет в мусорное ведро, Ясмин невольно сжала кулаки. Она воображала завтрашнее долгое возвращение домой в гробовом молчании, тихонько всхлипывающую Ма на пассажирском сиденье, Бабу, уставившегося дорогу. Воображала, как он позовет ее в зал, и она предстанет перед ним, сидящим на своем черном мягком стуле и облизывающим губы, как всегда, прежде чем сказать что-то важное.

— Вот интересный случай, — сказал Баба. — Послушай, и посмотрим, сможем ли мы разобраться вместе. Пятидесятидевятилетний мужчина, поступивший с повышенной температурой, помутнением сознания, тромбоцитопенией, сыпью и почечной недостаточностью.

Ясмин подалась вперед на диване, изображая внимательность, но ее мысли были далеко. Все это чепуха. Гарриет ни за что так себя не поведет. Она гордится своей восприимчивостью к культурным особенностям. В этом можно не сомневаться. А Баба ни за что не запретит ей выходить за кого-либо замуж, что бы он ни думал о потенциальной свекрови. Ну а что до Ма, то она будет довольна, если доверить ей свадебные хлопоты. Ма гордится, что ее дочь выходит за сына знаменитой писательницы, которая написала не только несколько книг, но еще и оперу, и пьесы, исполнявшиеся по радио. Ма так прямо и сказала Ясмин, соседям и родне на трех континентах. А эти надуманные беспокойства — только из-за насмешек Арифа.

— За три дня до госпитализации пациент был здоров, — вслух зачитал Баба. Он обожал разборы клинических случаев, публикуемые «Медицинским журналом Новой Англии», они были его любимым видом совместного досуга с дочерью. — Затем начались рвота, диафорез и слабость... Ко времени осмотра сотрудниками службы скорой помощи он не мог говорить и стоять, но реагировал на болевые раздражители... Иди сюда... — Он прервался и жестом велел ей подойти и почитать из-за его плеча. — Здесь гораздо больше информации.

Ясмин встала возле отца и попыталась сконцентрироваться. *Кровяное давление составляло 132/82 мм рт. ст., пульс — 110 ударов в минуту, частота дыхания — 26 вдохов в минуту, а сатурация кислородом — 94 %, когда он дышал дополнительным кислородом в объеме 2 литров в минуту через назальную канюлю. Диаметр реагирующих зрачков составлял 3 мм. Кожа была теплой...* Сосредоточиться на дальнейших подробностях не получалось. Вместо этого Ясмин то и дело поглядывала на Бабу, видя его таким, каким на следующий день увидит его Гарриет, — врачом-индийцем в мешковатом коричневом костюме со слишком широким галстуком. Вот он сидит, такой прямой и чинный. «Полный достоинства», — подумала Ясмин. Она всегда считала отца именно таким. Уже в четырнадцать лет он был самым высоким мужчиной в своей западнобенгальской деревне. И хотя Баба любил повторять, что по статистике, начиная с сорокалетнего возраста, люди каждые десять лет становятся ниже на полдюйма, сам он в свои шестьдесят оставался таким же высоким, как в юности.

— Ариффу не стоит завтра идти с нами, — внезапно сказала она. — Джо позвал его из вежливости, но Гарриет ждет только нас троих.

Баба взглянул на нее, подняв густую седую бровь:

— Беспокоишься, что не хватит еды? Твоя мать собирается взять запас пищи на два-три месяца.

— Нет, — сказала Ясмин. — Просто... А ты не мог бы ее остановить? И если Арифф пойдет, он будет... Не знаю, от него чего угодно можно ожидать!

— Мини, не волнуйся так. Арифф останется дома. Но твоя мать возьмет свою готовку, потому что такой у нее обычай, и останавливать ее было бы жестоко. — Он перевел внимание на анализ клинического случая, и Ясмин стало стыдно своего волнения.

Баба не одобрял какого бы то ни было волнения. Оно было прощательно лишь маленьким детям и психически неуравновешенным, в прочих же случаях заслуживало порицания. Он жил упорядоченной жизнью: работал, штудировал свои

журналы, ел за одним столом со своей семьей, изредка выпивал капельку виски из рубиново-красного хрустального стакана-гумблера, который вместе с бутылкой хранился в верхнем ящике письменного стола из красного дерева. Он смотрел по телевизору новости, документальные фильмы про страны, охваченные войнами, а по воскресеньям — дневной повтор «Жителей Ист-Энда» вместе с Анисой, которая была преданной зрительницей многих мыльных опер. Время от времени он выносил суждения, которые, вне зависимости от того, касались ли они семейных разборок или положения в мире, преимущественно сводились к тому, что истинное счастье — это тихая и размеренная жизнь.

— Менингококцемия? — неуверенно предположила Ясмин, дочитав. — Баба, как думаешь?

Баба снял очки.

— Я с нетерпением ожидаю знакомства с миссис Сэнгстер, — сказал он. — Это очень радостное событие. Моя единственная дочь выходит замуж. Семьи впервые собираются вместе. Мини, ничто не испортит этот вечер. Надеюсь, что ты разделяешь мои чувства.

Глаза Ясмин защипало от слез. Она моргнула и закусила губу. Через несколько секунд ей удалось выдавить:

— Спасибо, Баба.

Он начал вслух анализировать анамнез и признал предположение Ясмин довольно обоснованным, учитывая ливедо на животе, однако в итоге — по причинам, которые он подробно разъяснил, — посчитал наиболее вероятным диагнозом тромбоцитопенический акроангиотромбоз.

Ясмин кивала в такт его словам, но почти не слушала. Ей стало по-детски спокойно, как будто отец заглянул под кровать и заверил ее, что там не затаились чудовища. Отец с нетерпением ожидает знакомства с миссис Сэнгстер. Еще бы! Ведь Гарриет — почтенная, уважаемая дама. Она не какая-нибудь порнозвезда, как бы Ариф ни старался убедить Ясмин в обратном. Она пишет книги про теорию феминизма и литературу, читает лекции в двух университетах и входит в правление

по меньшей мере трех благотворительных фондов. Стеснение в груди Ясмин исчезло. Когда Ма наконец позвала их есть, она вошла в кухню с облегчением (и, возможно, легким головокружением от голода).